

Сааду

Тугъахтан

Эпос народов мира

Саади
Гулистан

«СОЮЗ»

1258

Саади

Гулистан / Саади — «СОЮЗ», 1258 — (Эпос народов мира)

ISBN 978-5-604835-26-5

Персидская литература богата замечательными произведениями: ее поэты чаруют и прелестью стиха, и дивными образами, и глубиной содержания. Рудаки, Хайям, Аррани – одни из главных поэтов Персии. Но среди них есть один, который стоит особняком: его читают дети в школах, его стихи повторяют на базарах и больших дорогах, в его поэмах тонкие ценители прекрасного, которых всегда было не мало в Персии, ищут семьдесят два смысла, какие в них, по персидской поговорке заключены. Всюду, где раздается персидская речь, славится его имя— Саади. Его самое известное произведение «Гулистан» было написано в 1258 году, а поводом к его написанию, как рассказывает сам автор в введении к книге, стало то, что, почувствовав приближающуюся старость, Саади решил остаток дней посвятить Богу, занимаясь созерцанием и размышлениями вдали от мира, в одиночестве. Пришедшего к нему друга, он встретил против обыкновения полным молчанием. Пораженный гость начал доказывать, что такие люди, как Саади, которые могут сказать столько хорошего и полезного людям, не имеют права молчать. Так Саади принял решение создать «Цветник Роз», книгу, листы которой не смог бы уже развеять ветер осенний и в которых радости весны не сменяются, как в саду, разорением осени. Розы еще не отцвели в саду, когда был готов весь «Цветник Роз». «Гулистан» состоит из 8 глав, по-видимому, в соответствии с восемью воротами мусульманского рая. В каждой из них раскрываются различные аспекты житейской мудрости.

ISBN 978-5-604835-26-5

© Саади, 1258

© СОЮЗ, 1258

Содержание

Предисловие	7
Глава первая	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Шейх Муслих-Эд-Дин Саади Ширазский

Гулистан (Избранные рассказы)

Перевод с персидского Е. Бертельса

Предисловие С.Ф. Ольденбурга

© ИП Воробьёв В.А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

Предисловие

Персидская литература богата замечательными произведениями: ее поэты чаруют и прелестью стиха, и дивными образами, и глубиной содержания, – всем, чем чарует нас поэзия. Среди ее главных поэтов есть один, который стоит особняком, совершенно особенной простотой и общедоступностью: его читают дети в школах, его стихи повторяют на базарах и больших дорогах, в его же поэмах тонкие ценители прекрасного, которых всегда было не мало в Персии, ищут семьдесят два смысла, какие в них, по персидской поговорке, заключены. Всюду, где раздается персидская речь, славится имя этого поэта – Саади.

Если персы чтут и читают своих поэтов, то, к сожалению, они мало интересуются подробностями их жизни, и потому о жизни Саади мы знаем очень мало, притом главным образом то, что в виде случайных заметок разбросано в его произведениях. Однако, несмотря на это, образ Саади чрезвычайно ясен, также, как и ход его жизни.

Шейх Муслих-Эд-Дин Саади, – таково полное имя поэта, – родился в 1184 году в Ширазе, в юго – западной Персии. Шираз – один из красивейших городов Персии, где в декабре цветут розы, жасмины, гиацинты и в темной листве блестят золотые апельсины. Не даром Саади так часто и с такой любовью описывает родной Шираз, о котором он никогда не забывал:

«Утренний ветер и земля Шираз – огонь.
Кого он охватит, тот уже не знает покоя».

Детство Саади, видимо, было счастливое и потому явилось источником того ясного и простого отношения к жизни, которое отличает поэта. Отец его, Абдуллах, состоял на службе правителя – Атабека – провинции Фарс, Саада Зенги, в честь которого поэт и принял имя Саади: он воспитывал сына с любовью, но и со строгостью; помня о ней, поэт неоднократно говорит в сочинениях своих о пользе строгости в деле воспитания. Детские воспоминания поэта – картинки жизни, и мы приведем некоторые целиком.

«Помню я, как отец подарил мне золотое кольцо. Какой-то продавец выманил его у меня за финик; ребенок ценности кольца не знал и легко променял его на сладость». Саади прибавляет нравоучение: «Не знаешь ты, как драгоценна жизнь, которую ты отдал сладострастью».

«Помню я, что в детстве я был очень набожным, бодрствовал по ночам, был склонен к воздержанию и отшельничеству. Как-то ночью прислуживал я отцу и всю ночь не смыкал глаз и обнимал Коран. Вокруг нас все спали. Сказал я отцу: «Никто из них даже головы не поднимет, чтобы совершить молитву; так крепко спят они, что скажешь – это мертвецы». Отец мой сказал: «Душа моя, лучше бы было, если бы и ты спал, чем хулить других».

«Ребенком пошел я однажды с отцом на праздник. Дивился всему и затерялся в толпе. В страхе и смятении я закричал. Нашел меня отец и разбил: «Сколько раз, смельчак, надо тебе повторять, чтобы ты держался за мое платье». «Ребенок один идти не может, трудно идти по дороге, которой не знаешь. И ты – дитя на пути, иди и держись крепко за полу благочестия», прибавляет Саади в нравоучение.

Есть у него и трогательное воспоминание о матери: «Как-то раз крикнул я из юношеской глупости на мать. Огорчилась она, села в угол и, рыдая, сказала: «Забыл ты разве детство, что теперь грубишь?»

Сыну прекрасно сказала старуха,
Видя, что стал он силен и могуч:

«Разве забыл ты счастливое детство?
Я на руках ведь носила тебя...
В те времена ты б меня не обидел,
Стал ты героем – стара стала я».

(Перевод Е. Бертельса)

Так прошло счастливое детство и юность и настало время для занятий в высшей школе. Саади отправился, мы не знаем при таких обстоятельствах, в Багдад, в знаменитую высшую школу, основанную во второй половине XI века. Юноша много работал и, благодаря выдающимся способностям, выдвинулся среди товарищей, вследствие чего был приглашен в помощники преподавателя. Об этом времени его жизни, особенно важном для выработки характера, у Саади сохранился ряд воспоминаний. Студент уже обладает всеми теми чертами, какие мы встретим потом в молодом поэте и в старике. Саади, по – видимому, умел соединять с юных лет большую вдумчивость и склонность к созерцанию с большой жизненностью и житейской наблюдательностью. Он сам в одном из своих стихотворений говорит, что «сущность его – давать советы». Сперва он любил выслушивать добрые советы мудрых людей, а потом постепенно, накопив знания и продумав их, он сам стал давать советы, облакая их в форму изящных рассказов, притч, изречений в стихах и прозе.

Мы не знаем точно, когда Саади начал писать, но, вероятно, первые его попытки относятся еще к пребыванию в высшей школе. В это время он любил веселье и пировал в кругу товарищей. Мы знаем, что несмотря на возражения строгого учителя, он увлекался музыкой; его сочинения показывают нам небольшой интерес к живописи: в его время персидская живопись уже находилась под влиянием китайского искусства, о котором не раз говорит и Саади.

Что Саади, по крайней мере в юные годы, отличался большой сердечной отзывчивостью и был полон нежных чувств, об этом говорят многие его стихотворения. Временами, под влиянием переживавшихся утрат – мы знаем о глубоко его поразившей смерти молодого товарища и друга – у Саади появляется тяжелое раздумье относительно жизни, и тогда мы чувствуем, что в нем усиливается стремление к религиозной мистике, которая в Персии была представлена суфиями. Суфии были пантеисты – всебожники, для них бог проникал все, был всем, душою мира, к единению с которой стремились отдельные души людей. Мы не знаем, вправе ли мы считать Саади вполне суфием, но несомненно, что идеи суфиев были ему близки и дороги, и к самим суфиям он стоял близко и дружил с многими из них. Таков приблизительно облик молодого Саади, вернувшегося из высшей школы в Багдаде на родину в Шираз. Сколько времени он пробыл здесь, мы не знаем точно, не знаем и чем он занимался.

Азия в те годы переживала большие политические бури: под влиянием нашествий монологов падали одни царства и создавались другие; по картинному выражению Саади «мир пришел в беспорядок, как волосы эфиопа»; «люди стали подобно волкам». Саади говорит, что такое положение дел на его родине, в Ширазе, заставило его скитаться по чужим землям. Если это даже и было так, то, несомненно, были к тому и другие личные причины, о которых мы ничего не знаем, но которые сделали Саади странником и притом, по – видимому, на несколько десятилетий, так как в Шираз он вернулся, вероятно, только к пятидесятым годам XIII столетия.

Когда мы из отдельных замечаний Саади, разбросанных по его произведениям, стараемся восстановить картину его странствований, то нас поражает громадность тех трудностей, какие он преодолел, ибо в те времена путешествия были делом чрезвычайно трудным, а Саади прошел страны от Восточного Туркестана и Индии на востоке до Северной Африки на западе. Дорожник странствований поэта не восстановим, ибо мы для этого не имеем никакой руководящей нити; мы только приблизительно можем догадываться о том, из каких стран в какие

он переходил. Мы не знаем, что побуждало его к выбору того или иного местопребывания, и почему он их менял. Мы можем только догадываться о том, что вероятно большая любознательность побудила Саади к странствованиям: Саади был большой сердцевед, и его всегда глубоко интересовали люди и их поступки и побуждения, и потому, вероятно ему и хотелось сравнивать людей разных стран и народов. Вывод, который он сделал из этих сравнений, если судить по его сочинениям, тот, что люди всех народов и стран мало чем друг от друга отличаются: одинаково, как ему казалось, и любят и ненавидят. Нас не должен удивлять этот вывод, если мы примем в соображение, что Саади не старался углублять своих наблюдений; он брал обыкновенно человека в простейших проявлениях его природы, был то, что мы бы теперь назвали средним человеком. Саади смотрел на людей и на жизнь чрезвычайно трезво; в этом, может быть, тайна его необыкновенной популярности. Громадный жизненный опыт, чрезвычайно многосторонний, вызывал большое доверие к поэту: чувствовалось, что Саади действительно знал очень многих и весьма разных людей и знал их хорошо, так как преодолевал постоянно преграды чужих языков и наречий; персидский он знал в совершенстве, увлекался и его наречиями и говорами; арабский знал прекрасно и писал арабские стихи; так же он знал хиндустани, основной язык современной ему Индии, и, по – видимому, писал на нем стихи. Вероятно, он знал и турецкий и, может быть, монгольский, кроме того, имел представление и о целом ряде других языков.

Из личной жизни Саади мы за это время знаем немного: он был, по – видимому, несколько раз женат: странствующие мусульмане часто женятся в разных посещаемых ими городах, обыкновенно разводясь при отъезде. Он упоминает, как был выкуплен из плена у франков в Триполи мусульманином, женившим его на своей дочери в Алеппо. Брак был несчастный. В Йемене, в Аравии, он был тоже женат и здесь потерял сына – младенца, памяти которого посвятил несколько трогательных и прекрасных стихов. Отец стоит, тоскуя перед могилой мальчика, точно детский голос говорит:

«Если перед мраком ты в ужасе стоишь,
Смотри, чтобы тебе туда войти со светом».

И поэт прибавляет:

«Если ты хочешь, чтобы ночь могилы была
как день светла,
Свет добрых дел твоих зажгли».

Если странствования принесли Саади большой опыт и знание человеческой природы, то они все же оставили его тем узко правомерным мусульманином, каким он был, по – видимому, еще в юности; суфизм, видимо, мало дал ему религиозной широты и терпимости. Ему ненавистно и непонятно то, что он считает идолопоклонничеством в Индии. Он равно презирает христиан и евреев:

«Если вода в пруду христианском и не чиста,
Еврейский труп омыть я ею не стесняюсь».

В этом отношении Саади был вполне средним человеком своей среды и своего времени; но на его же родине чуткие поэты, проникнутые страстным исканием истины и потому глубоко терпимые к тем, кто своими путями искал эту истину, говорили:

«Всякое сердце, в котором зажжен свет любви, —

Молится ли оно в мечети или в синагоге, —

Имя его записано в книге любви

И свободно оно от страха ада и от мечты о рае».

Время шло. Не раз уже тоска по родине мучила поэта на далекой чужбине. К сожалению, и тут, как и по отношению к отъезду из Шираза, мы не знаем, что было непосредственной причиной возвращения Саади.

Вернулся он на родину стариком, но бодрым, свежим и жизнерадостным. В Ширазе в это время жилось хорошо, благодаря мудрому управлению сына первого покровителя поэта Абу-Бекра; этот правитель сумел не только водворить порядок внутри страны, но и уплатою дани монголам сохранить ее от их посягательств.

Возвратившись в Шираз, Саади приступил к написанию двух главных своих произведений: «Бустану» («Плодовый сад»), в стихах, и «Гулистану» («Цветник Роз»), в прозе и стихах. Первая книга окончена в 1257 году, вторая в 1258 году. Нечего удивляться этой быстроте работы, творчества. Саади был опытным художником слова, в совершенстве владевшим формой и много уже написавшим; к тому же, он во время странствований вел записи, которые и использовал: слишком уже живы некоторые из его рассказов, чтобы можно было предположить, что они написаны на память, через много лет. Годы старости Саади провел в кругу друзей, на родине, в почете и известности. Но слава мало повлияла на Саади: мы видим его и в эти годы тем же скромным созерцателем и вдумчивым участником жизни, тем же неизменным советчиком, учителем житейской мудрости, что и прежде, также трезвым, но и также доброжелательным и внимательным к людям. Теперь особенно ярко сказалось то, что особенно замечательно в Саади: несмотря на свой великий талант, он был средним человеком. Мы не видим в нем страстного богоискательства суфиев с их широкой терпимостью и требованиями высокой отшельнической нравственности. Саади понимал суфиев, но для него они были недостаточно уравновешены. Если, с одной стороны, ему были чужды поэты – богоискатели, то столь же чужды были его трезвому уму поэты, увлекавшиеся земною любовью или мирскою славой и почестями. Он не избегал общения с великими мира сего, но и не искал его. Мы не найдем у него низкой лести, которая часто так уродует произведения даже великих персидских поэтов. Спокойно он идет своим срединным путем, говоря о нравственности и о благоразумии.

Часто нам, и притом справедливо, может показаться, что мораль его произведений как будто низменная; нас временами возмущает то спокойствие, с которой он передает отвратительные проявления самых грубых человеческих страстей. Но впечатление это не будет правильным, если мы истолкуем его как сочувствие Саади этим отрицательным явлениям: глубокий сердцевед, он знает хорошее и дурное, он знает, что где есть розы, там непременно будут и шипы, где добро, там и зло, и он не боится говорить о зле: он настолько уверен, что его читатель знает его основные взгляды на то, как должен жить человек, что считает излишним, при каждом рассказе давать свое толкование – похвалу или порицание. Нам, может быть, иногда хотелось бы услышать из уст большого поэта что-нибудь «возвышенное», подобное тем красотам чувства в мысли, которыми так богаты персидские поэты – суфии. Но Саади сознательно берет жизнь как она есть, и считает, что не дело поэта постоянно морализировать и говорить о том, какую жизнь должна была бы быть. Как восточный поэт, его внимательно, поймет его основное отношение к жизни и не припишет ему сочувствия дурному и отвратительному только потому, что он не подчеркнул своего несочувствия.

Временами Саади овладевает особое вдохновение, он отходит на время от обыденного и становится действительно великим – творцом прекрасного, вечного.

Мы не знаем точно ни времени, ни обстоятельств смерти Саади: он умер, по всей вероятности, столетним слишком старцем в конце XIII века. Его похоронили возле самого Шираза и могила его существует до сих пор. Теперь могила Саади сильно запущена, как и большинство исторических памятников Персии, но и в наши дни и персы и иностранцы посещают могилу шейха – учителя в милом ему Ширазе, где как и семьсот лет тому назад, цветут его любимые розы.

«Гулистан» был написан, как уже сказано, в 1258 году, и Саади сам рассказывает повод к его написанию в изящном введении к книге. Саади стал чувствовать старость, ему начало казаться, что жизнь его прошла пусто и бессодержательно, и он решил остаток дней посвятить Богу, занимаясь созерцанием и размышлениями о божественном, вдали от мира, в одиночестве. Пришел к нему друг, которого он, погруженный в размышления о Боге, встретил против прежнего обыкновения полным молчанием. Пораженный друг начал ему горячо доказывать, что такие люди, как Саади, которым есть столько сказать хорошего и полезного людям, не имеют права молчать. Друг увлек затем Саади в сад, где цвели розы, – был апрель, – соловьи пели в кустах, а на цветах блестели капли росы, многоцветные тюльпаны, как ковром, покрывали землю. И, как часто это бывало с Саади, природа оживила его, любимые цветы – Саади особенно любил розы – вернули его к мыслям о земной жизни. Далее рассказ введения в «Гулистан» изложен таким образом, что трудно сказать, отражает ли он действительно происшедшее или же является только поэтическим вымыслом. Во всяком случае он говорит нам о намерениях Саади при составлении его книги, а потому мы окончим этот рассказ. Однажды друг его набрал в саду цветов и собирался нести их в город. Саади сказал ему на это, что цветы, которые он уносит, и те, что остались в цветнике, скоро завянут, и затем прибавил, что может создать «Цветник Роз» – книгу, листы которой не смог бы уж развеять ветер осенний и в которых радости весны не сменяются, так здесь в саду, разорением осени. Обрадованный друг говорит: «Благородный человек, когда что – либо обещает, держит свое обещание». Саади после этого быстро принимается за работу, в несколько дней написав две главы. По – видимому, это были две последние главы книги. Розы еще не все отцвели в саду, когда был готов весь «Цветник Роз».

Рассказ Саади близок, вероятно, к тому, что происходило в действительности; чувствуется, что «Гулистан» написан сразу, что отдельные части его сплочены в одно единообразное целое. Глав восемь, по – видимому, в соответствии с восемью вратами мусульманского рая. Недаром главы называются «вратами» – «баб». Вот их название: 1. О поведении царей. 2. О нравах дервишей. 3. О превосходстве довольства. 4. О пользе молчания. 5. О любви и молодости. 6. О слабости и старости. 7. О влиянии воспитания. 8. О правилах общежития. Кроме последней главы, они состоят из небольших рассказов: воспоминаний и впечатлений из путешествий Саади и из исторических и житейских анекдотов, рассказанных с целью поучения. Глава 8-ая состоит из нравоучительных изречений и почти не имеет рассказов.

Если вообще позволено гадать там, где мы не имеем точных и несомненных современных сведений, то можно было бы сказать, что «Гулистан» сперва был задуман по плану 8-й главы, но затем живому и замечательному рассказчику Саади показались скучными эти нравоучения и наставления без жизненных картин; остальные главы он оживил рассказами. Это действительно рассказы, переданные с мастерскою простотой, украшенные, точно жемчужинами, изящными стихами.

Саади с гордостью указывает, что он не заимствует у других поэтов, зато в «Гулистане» мы находим ряд стихов, известных нам и из других произведений самого Саади – здесь поэт

следует привычке всех вообще больших поэтов, которые любят повторять особенно излюбленные ими слова, выражения, образы.

С «Гулистаном» Европа познакомилась сравнительно рано: уже в XVII веке появился сперва французский перевод, потом латинский – одного немецкого ученого и затем немецкий – известного путешественника в Персию, Олеария, проехавшего в эту страну через Россию. Перевод Олеария еще в XVII веке был переведен на русский язык, но в печати полный русский перевод «Гулистана», сделанный Холмогоровым, появился только в XIX столетии. Перевод этот, несколько тяжеловатый, ныне устарел. Потому и сделан новый перевод, но уже в выдержках, достаточно, однако, обширных, чтобы дать полное представление о знаменитом «Цветнике Роз», широко известном не только на востоке, но и на западе, и переведенном на большое число самых разных языков.

С. Ольденбург

Глава первая О свойствах царей

Один из царей Хорасана¹ увидел во сне султана Махмуда Себуктегина² через сто лет после его смерти. Все тело его уже разложилось и превратилось в прах, только глаза вращались. Все ученые были бессильны истолковать этот сон, кроме одного дервиша³, который почти-тельно поклонился царю и сказал: «Ему смотреть осталось, что царство другим осталось».

Много людей именитых закопано в землю,
А на земле и следа уж от них не осталось.
Черви точили их пададь в глубокой могиле,
Нынче в земле и костей уж от них не осталось.
Имя живет Нуширвана⁴ и славен он благом,
Хоть и следа от него, уж давно не осталось.
Делай добро, человеке, и пользуйся жизнью,
Иначе скажут: «Его и следа не осталось».

* * *

Захворал на старости один из арабских царей и исчезла надежда на жизнь его. Внезапно вошел в дверь гонец и принес радостную весть, что завоевали для счастья царя такую-то крепость, взяли в плен врагов, а все войско и подданные той страны приведены в повиновение приказу царскому. Царь, услышав эти слова, испустил вздох отчаяния и сказал: «Не мне эта радостная весть, но врагам моим – наследникам царства».

В такой, увы, надежде вся жизнь моя прошла;
Мечтал я, что желанья, свершатся, наконец.
Свершились все желанья, но только пользы нет —
Могу ли питать надежду отсрочить свой конец?

* * *

Один год я творил молитву в Дамасской⁵ мечети перед гробницей пророка Яхьи⁶, мир да будет с ним. Внезапно прибыл на поклон туда один из арабских царей, известный своей несправедливостью. Сотворил он намаз⁷ и стал просить о милости.

---

¹ Хорасан – одна из провинций Персии.

² 5-ый государь династии Газневидов, основавший могущество этого рода. Правил с 977 по 997 гг. по Р.Х.

³ Дервиши – нечто вроде нищенствующих монахов, соединяющих суровый аскетизм с научными познаниями в отношении религии.

⁴ Нуширван или Ануширван – справедливый 21-ый царь из династии Сасанидов, при котором Персия достигла высокого расцвета. Царствовал от 531 до 579 г. по Р.Х.

⁵ Город Дамаск находится в Сирии.

⁶ Иоанн Креститель

⁷ Мусульманский молитвенный обряд.

Дервиш и богач перед этим порогом в смиреньи, —
Тому, кто богаче, нужнее Господне прощенье.

Затем обратился он ко мне и молвил: «Так как дервиши разумны и искренность их свойство, пожелай мне добра, ибо страшусь я грозного врага. — Отвечал я: «Будь милостив к слабым подданным твоим, дабы не увидеть бедствия от сильного врага».

Сильной рукою и мощью десницы —
Грех беззащитную руку ломать.
Тем, кто несчастным помочь не желает,
В бедах не станет никто помогать.
Кто, зло посеяв, добра ожидает,
Будет напрасно его ожидать.
Будь справедливей, вынь хлопок из уха,
Скоро придется отчет тебе дать!

Лишь члены единого тела Адама сыны:
Из этой же материи все ведь они созданы.
Лишь только один заболит болезнью злой,
Тотчас же должны и другие утратить покой.
Коль горе чужое тебя не заставит страдать,
Возможно ль тебя человеком тогда называть?

* * *

Появился в Багдаде⁸ дервиш, молитвы которого доходили до Бога. Известили об этом Хаддажаджа, сына Юсуфа⁹; тот позвал его к себе и сказал: «Пожелай для меня добра». Дервиш воздел руки и молвил: «Боже мой! возьми его душу!» — Хаддажадж воскликнул: «Бога ради! это что за молитва?» — Молвил дервиш: «Пожелание добра для тебя и всех мусульман».

* * *

Слышал я про одного царя, что сделал он Как-то раз ночь днем, проводя ее в усадях, и в опьянении говорил:

«Лучше мгновенья вовек не желаю,
Я беззаботен и горя не знаю»

На дворе спал на холоду нагой дервиш. Он воскликнул:

---

⁸ Столица арабского халифата, в Месопотамии.

⁹ Один из правителей, известный своей несправедливостью; жил в VII в. По Р.Х.

«По правде, безмерна удача твоя, —
Но только, ведь, горя не знаю и я».

Понравилась эта речь царю, бросил он ему в окошко кошелек с тысячей динаров¹⁰ и сказал: «Держи полу». Молвил дервиш: «Откуда мне взять полу, коли нет у меня одежды?» Сострадание царя к нищете его еще возросло, добавил он к дару одежду и выслал ее ему. Дервиш в скором времени истратил эти деньги и вновь пришел.

Сообщили царю о дервише в мгновение, когда ему было не до забот о нем. Разгневался он и нахмурился; недаром сказали опытные и знающие люди: «Надо остерегаться самовластия и горячности царей, ибо разум их преимущественно занят трудностями государственных дел, и не переносят они толпы простого люда».

Молвил царь: «Гоните этого нагого нищего, мота, который растратил такой дар в короткое время. Не знает он, что сокровища казнохранилища – пища для несчастных, а не доля для братьев сатаны.

Безумец жжет свечечку средь белого дня,
А ночью без масла останется он.

Один из визирей¹¹ молвил: «О, повелитель! Вижу я правильный исход в том, чтобы таким людям необходимые средства, давались в определенные промежутки времени, дабы не стали они расточительными в расходах. Но то, что ты теперь повелел относительно изгнания и воспрепятствования, несогласно с обычаями мудрых людей. Нельзя подать кому-нибудь надежду щедростью своей, а потом вновь заставить его терзаться безнадежностью».

* * *

Один из друзей стал жаловаться мне на несчастную судьбу и говорил: «Достаток у меня малый, а семья большая, и нет у меня сил переносить тягость нищеты. Много раз западала мне в сердце мысль переселиться в другую страну, чтобы, как бы я там ни жил, никто не знал, хорошо ли, плохо ли мне живется.

«Спит он голодным, да кто он – не знают,
С жизнью проститься, – над ним не рыдают».

«Но страшусь я злорадства врагов, которые с попреками будут смеяться мне вслед, будут приписывать все мои заботы о семье отсутствию мужества и говорить:

«На этого гнусного мужа взгляни,
Судьбы ему доброй вовек не знаять.
Покой и довольство себе он избрал,
Оставил жену и детей горевать».

«Как известно, есть у меня кое – какие познания в математике; если благодаря вашему разуму будет возможно сделать что-нибудь, что стало бы причиной душевного спокойствия моего, то до конца жизни не отступлю я от обязанности благодарить».

---

¹⁰ Золотая монета, равная приблизительно 7 р. 50 к. золотых.

¹¹ Советник

Я сказал: «Друг мой, служба царям имеет две стороны: одна – надежда на хлеб, другая – страх за жизнь, и несовместимо с благоразумием разумных из-за надежды впадать в страх.

«Никто дервишу бедному не скажет:
«За дом и сад скорей мне подать ты давай».
Иль будь своей доволен нищетою,
Иль печень воронью свою ты подавай».

Молвил он: «Не сказал ты слова, подобающего моему положению, не дал ответа на мой вопрос. Разве не слышал ты, что говорят: «У того, кто проявляет коварство, затрясется рука при отчете. А мудрецы сказали: четыре рода людей боятся других четырех и страшатся за жизнь свою: разбойник боится царя, вор пастуха, мошенник доносчика и блудница полицейского. Но тем, у кого отчет в порядке, почему им бояться дознания?»

Сказал я: «Подходит к положению твоему рассказ о лисице, которую увидели в то время, как она спасалась и бежала, что есть духу. Сказал ей кто-то: «Что такое случилось, что ты так смутилась?» – Молвила она: «Слыхала я, что силой хватают верблюда». – Отвечали ей: «О, бестолковая, что общего между тобой и верблюдом, какое сходство между ним и тобой?» – Молвила она: «Умолкни. Если завистники скажут, что я верблюд, и попаду я в плен, кто позаботится о моем освобождении или расследует мое дело? Пока прибудет из Ирака¹² противоядие, укушенный змеей успеет умереть». – Сказал я: «Есть в тебе совершенства и достоинства, но завистники притаились в засаде, сидят по углам недоброжелатели.

Если опишут они то, что составляет красоту нрава твоего, не в соответствии с действительностью и разбранит и упрекнет тебя царь, у кого хватит силы заступиться за тебя? Вижу я благоразумие в том, чтобы ты охранял сокровище нетребовательности и отказался от главенствования, ибо мудрецы сказали:

«Сокровища несметные сокрыты в глубинах,
Но хочешь ты спасения, – ищи на берегах».

Выслушал друг эти слова, разгневался, нахмурился и начал говорить резкие речи: «Что это за разум и рассудительность, рассудок и предусмотрительность? Верно сказали мудрецы: «Друзья проявляют себя в темнице, а за столом все враги – друзья».

Увидел я, что гневается он и с неудовольствием выслушивает мои слова, пошел я к начальнику дивана¹³ и на основании старинного знакомства рассказал ему обстоятельства дела его, прося, чтобы назначили его на должность мухтасиба¹⁴. Прошло несколько дней, увидели его превосходный характер, одобрили рассудительность его, пошло его дело, и достиг он высокой должности. И так стала подниматься звезда счастья его, что достигла вершин желания, стал он приближенным к особе царя, стал доверенным и известным. Радовался я успеху его и говорил:

Не скорби о неудачах, сердца скорбью не терзай,
Ведь сокрыт во тьме глубокой жизни вечной ручеек.

---

¹² Ирак Персидский – провинция Персии, соответствует древней Мидии с главным городом Тегераном. Ирак Арабский – Месопотамия.

¹³ Царская канцелярия.

¹⁴ Чиновник, составляющий справки.

Тем временем случилось мне с друзьями моими отправиться в Мекку¹⁵. Когда возвращался я назад с поклонения Меккским святыням, вышел тот друг мне навстречу за две остановки. Увидел я в облике его смятение, заметил, что он в облачении дервишей, и молвил: «В чем дело?» – Отвечал он: «Все случилось, как ты сказал. Стали завидовать мне, обличать меня в коварстве, а царь не счел нужным расследовать истину, прежние же друзья и искренние предатели умолчали о правде, забыли старую дружбу. Так пришлось мне перенести разные кары, пока на этой неделе не пришла весть о благополучном прибытии паломников. Тогда освободили меня от тяжких уз, а унаследованное мною имущество отобрали».

Молвил я: «Не принял ты тогда моего указания, что служба царям подобна морскому путешествию – и прибыльна и опасна: или добудешь сокровище или погибнешь в страданиях».

Не счел я нужным более терзать раны его сердца и сыпать на них соль, ограничился только этими стихами и сказал:

«Не знал ты, что в оковы попадешься,
Коль ухом не воспримешь ты совета.
Не сунешь скорпиону в норку пальца,
Коль выносить укусы силы нету».

* * *

Дружил я с несколькими людьми, они отличались добродетелями. Один вельможа проявлял много доброжелательности к этим людям и установил для них определенную милостыню. Как-то раз один из них сделал неприличествующее дервишу движение.

Мнение покровителя о них испортилось, и стал их рынок вялым¹⁶. Хотелось мне как-нибудь вернуть друзьям их пропитание и попытался я пойти на поклон к тому человеку. Не пустил меня привратник, грубо обошелся со мной. Я простил его, потому что говорят:

Идти к эмирам¹⁷ мощным, царям и визирям.
Без связей и знакомства не пробуй, милый мой;
Привратник и собаки, завидев бедняка,
Одни за полы схватят, а за ворот другой.

Но когда приближенные этой особы узнали о моем деле, впустили меня с почетом и предназначили мне лучшее место. Я же со смирением уселся пониже и сказал:

«Прости, я лишь слуга ничтожный,
С прислугой посидеть мне можно».

Тот молвил: «Аллах, Аллах¹⁸, что это за речи!» Я уселся и стали мы беседовать о различных вещах, пока не зашла речь об ошибке моего друга. Тогда я сказал:

«Какой же проступок видал благодетель,
Что стали рабы ненавистны ему?»

---

¹⁵ Священный город мусульман в Аравии.

¹⁶ Образное выражение, обозначающее: дела их пошли плохо.

¹⁷ До известной степени соответствует княжескому титулу: у мусульман титул начальников независимых родов.

¹⁸ О Боже, Боже!

У Господа лишь совершенно величье,
И грешнику хлеб он дает своему».

Понравилась эта речь вельможе и приказал он, чтобы пропитание друзьям моим выдавали, как прежде и вознаградили их за пропущенные дни.

Поблагодарил я за милость, поцеловал землю почтения и попросил извинения за дерзость.

* * *

Рассказывают, что один притеснитель пустил камнем в голову смиренному человеку. Не было у дервиша возможности отомстить и спрятал он этот камень у себя. Пришло время, когда царь разгневался на того человека и вверг его в колодезь. Дервиш пришел и бросил камень ему на голову. Тот молвил: «Кто ты таков и зачем бросаешь мне на голову камень?» – Дервиш ответил: «Я Такой-то, а камень этот – тот самый, которым ты пустил мне в голову тогда – то». – Молвил узник: «Где же ты был столько времени?» – Дервиш ответил: «Опасался я высоты сана твоего, теперь увидел я тебя так низко и счел это удобным случаем».

Коль увидишь ты, что счастлив негодяй,
Ты на Бога все надежды возлагай!
Если острых не дал Бог тебе когтей,
То разумней сторониться злых людей.
Кто с булатною рукою вступит в бой,
Со своей простится белою рукой,
Пусть врага скует судьбина по рукам,
Сможешь ты его тогда прикончить сам!

* * *

Один из царей заболел ужасной болезнью, о которой рассказывать неприлично. Собравшиеся греческие врачи единогласно решили, что нет для этой болезни лекарства, кроме желчи человека, который бы отличался такими – то и такими приметами. Царь повелел разыскать такого человека. Нашли сына одного дикхана¹⁹ с теми приметами, о которых говорили ученые. Царь призвал его родителей и удовлетворил их несчетными милостями. Кади²⁰ дал решение, что дозволено пролить кровь одного из подданных ради спасения жизни царя, и палач собрался казнить мальчика.

Мальчик поднял лицо к небу и засмеялся. Царь сказал: «Разве уместно смеяться в твоём положении?» – Молвил мальчик: «Заботиться о детях обязанность родителей, жалобы подаю кадию, а справедливости ищут у царя. Теперь родители предали меня на смерть ради благ мирских, кади дал решение казнить меня, а царь видит спасение свое в моей смерти. Не вижу я покровы, кроме Господа Всевышнего».

Сжалось у царя при этих словах сердце и навернулись на глаза слезы. Молвил он: «Лучше мне погибнуть, чем пролить кровь невинного». Поцеловал он его в чело и в глаза, прижал

---

¹⁹ Сельское население Персии.

²⁰ Судья

к груди, одарил несметными благами и отпустил на волю. Говорят, что царь в ту же неделю исцелился.

* * *

Бежал один из рабов Амра ибн Лейса²¹. Отправились в погоню за ним и привели его назад. Ненавидел его визирь²² и дал приказ казнить его, чтобы другой раз рабы не решались на такой поступок. Раб пришел к Амру, склонил голову к земле и сказал:

«Что ты захочешь, пусть со мной свершится,
Противиться не смею хозяина деснице».

«Но так как вскормлен я милостями этого дома, не хочу я, чтобы в день Суда ты ответил за мою кровь. Если хочешь ты казнить раба, приложи к этому закон, дабы не ответить в день Воскресения».

Царь молвил: «Какое же приложение закона могу я дать?».

Раб ответил: «Дай мне дозволение убить визиря, а тогда повели убить меня в наказание за это, чтобы иметь право на казнь».

Царь рассмеялся и сказал визирю: «Что ты на это скажешь?»

Тот отвечал: «О повелитель, заклинаю тебя могилой отца твоего, оставь этого негодяя в живых, чтобы не вверг он меня в беду. Моя вина: не внял я словам мудрецов, говоривших:

«Если ты с пращником драку затеешь,
Череп проломит тебе он, гляди.
Если врагу ты стрелу посылаешь,
Сам ты на месте его не сиди».

* * *

Был у царя Зузана²³ один мудрец, благородный душою и добрый нравом, который всем присутствующим оказывал услуги, а обо всех отсутствующих хорошо отзывался. Однажды случилось ему совершить какой-то поступок, который пришелся царю не по нраву. Отобрал он у мудреца его имущество и велел наказывать его. Военачальники царя помнили прежние благодеяния его, были обязаны ему благодарностью и поэтому, пока он был в темнице, проявляли к нему доброту и ласку и избегали попреков и резкостей.

---

²¹ Наместник некоторых областей Персии, правивший с 879 до 900 г. по Р. Х.

²² Министр

²³ Город в персидской провинции Хорасан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.